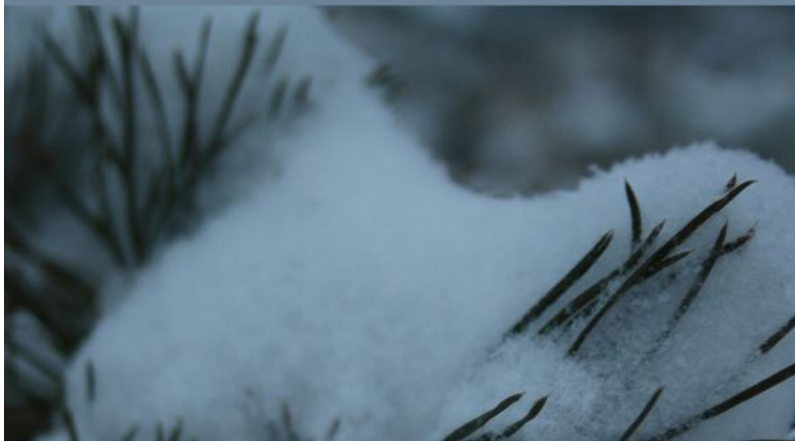

Татьяна Сапрыкина

ГЕДАМБОЛА

Татьяна Валентиновна Сапрыкина

Гедамбола

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9305320

ISBN 978-5-4474-0576-2

Аннотация

Волшебно-фантазийная история о том, как нелегко бывает найти свой настоящий дом. Даже если ты уже в нем. Подойдет для чтения старшеклассникам и взрослым, тем, кто любит сказки и теплые, легкие истории.

Содержание

«Волк свое догонит»	5
«Ветер в голове – ноги над землей»	11
«Как будешь о себе говорить – таким и станешь»	14
«Чего не вижу – того и нет»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Гедамбола
Татьяна Валентиновна
Сапрыкина

«Во всем есть цель, а там, где цель – пробьется свет!»

© Татьяна Валентиновна Сапрыкина, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

«Волк свое догонит»

Я родилась в теплый, солнечный полдень, в лесу, среди папоротников, и на мне был только один ботинок. Темно-зеленое, добротное платье из плотной шерсти с орнаментом по подолу и только один – правый ботинок – высокий, со шнуровкой. И вот еще что – от меня пахло рыбой.

Обнаружилось, что ростом я не выше елки-двухлетки и довольно широка в кости. Про таких еще говорят, «дви-нет – не заметит». Я поискала свою левую обувку в траве – бестолку. Поковыляла на поляну, где рос старый дуб. Птичий щебет покалывал кожу. Левая, босая нога болела – неужто я вывихнула лодыжку? Хорошо было, прислонившись к шершавому стволу, ощутить на лице солнечный свет, который играл между ветвей, словно бы в сетях билась стайка трепещущей мелкой рыбешки. Мошки вились над поляной, воздух пах земляникой. Я отыскала пару ягод в траве и съела их с жадностью.

Потом попробовала было влезть на дерево, посмотреть, что видно сверху, покричать, но не смогла вскарабкаться. Какая я, оказывается, неуклюжая. Попыталась углубиться в лес, поискать тропинку, но ходить босяком по чаще – приятного мало.

Вскоре я поняла, что родилась жутко голодной, будто перед тем мне пришлось отмахать тысячу верст.

Когда стало темнеть, в кустах загорелись светлячки. Бледно-голубые, будто крохотные призрачные фонарики, они танцевали, мерцали и гасли. Я стала клевать носом. Сквозь дрему смутно различались и другие огни – желтые, большие, эти двигались плавно и кружили довольно близко от моего лица. Вместе с ними пришли шорохи и тяжелый, звериный запах пота. Но мне не было страшно. Я улыбалась, будто знала, что все это приведет меня домой, и, кажется, уснула.

– Она что, в бочке с рыбой сидела? – прошептал хриплый голос прямо над ухом, и кто-то смачно чихнул.

Дыхание было несвежим. Но мне показалось, что спели знакомую колыбельную. Ведь я новорожденная. И это был самый первый голос, который я услышала в своей жизни.

Спала я крепко. И снилось мне, что зверь – крупный и жилистый, но тощий и облезлый по бокам, со свалывшейся шерстью, взвалив меня на спину, бежит сквозь чащу. Дышит он тяжело. Я крепко вцепилась в его уши, и это ему не очень-то нравится, но приходится терпеть. Острые ребра ходят у меня под животом. Это волк, он теплый, вонючий, и я обнимаю его изо всех сил, потому что очень уж он мне нравится. Ото лба между глаз у него идет длинный рубец, шрам, и шерсть в этом месте жидкая и жесткая, будто бы со спины на нос стекает хиленький ручеек.

Утром я проснулась от холода и от того, как сильно боле- ла босая нога. В лесу царил мрак, седой неверный свет едва пробивался между тяжелых, увесистых еловых лап и ство-

лов, похожих на столбы. Это совсем не было похоже на поляну с дубом, где я появилась. Наверное, волк утащил меня в свое логово. Но это почему-то не пугало.

Проснувшись, первым делом я услышала, как два волка: большой, тощий, тот, что нес меня на себе, и молодой, с длинной серой шерстью, едва слышно переговаривались у трухлявой коряги.

Остальные звери сидели, лежали или бродили неподалеку. Там были и маленькие волчата с волчицами, и крупные волки, и щенки-подростки. Все поглядывали настороженно, а кое-кто заворчал, когда я встала, пошатываясь и морщась от боли. Едва сделав шаг, я тут же на что-то с хрустом наступила – оказывается, вокруг валялись кости, обглоданные добела. Разговор затих.

– Скажи королю, что она у меня. Скажи, что я буду говорить с ним там же – у старой вишни, перед мостом. Теперь он у нас побегает.

Молодой волк, слушая, наблюдал, как я замерла на одной ноге, согнув другую в колене. Потом быстро шмыгнул в чащу, где никакой тропинки или дорожки не было. Я осторожно ступила на мох, он оказался сырым и рыхлым. В двух шагах от трухлявой коряги залегали глубокие, бездонные тени.

Я думала, он кивнет мне или скажет «Доброе утро», но крупный волк со шрамом спокойно улегся, подобрав лапы, и отвернулся.

Мне вспомнился его теплый животный запах – будто бы я

узнала что-то родное. Наверное, это оттого, что он был первым, кого я увидела, когда родилась? Я уселась рядом, словно с добрым знакомым, вытянув ноги и облокотившись спиной о его теплый бок. По правде говоря, мне было очень хорошо так сидеть.

Стая замерла. Да и вожак, кажется, тоже остолбенел.

– Извиняюсь, – прошептала я, наклонившись к его подрагивающему уху, – очень есть хочу.

Волк зевнул, облизнулся, покосился на меня и положил морду на мох. Он дышал часто, и продолжал наблюдать за мной из-за приспущенных век. И хотя держался уверенно, я чувствовала, что он смущен. Пустой живот за моей спиной ходил ходуном.

– Да и мы бы тоже съели чего-нибудь, верно? – он невесело и хрипло рассмеялся, обращаясь к стае.

– Съели бы, – подхватила волчица, которая до того усердно вылизывала волчонка.

Другие тоже тихо заскулили и стали горестно ей подвывать.

– Ну так шли бы на охоту, разве нет? Волки же только и делают, что охотятся. «Волк, он свое догонит» – так говорят.

Откуда все это в моей голове?

– Съедем ее, Герогх, – завывала тощая самка с порванным ухом и стала досадливо ловить себя за хвост.

– Герогх, – шепотом повторила я.

Так, наверное, его зовут. Зубы защелкали, я зажмурилась. Волк оскалился на стаю, и все послушно затихли.

– Нет охоты в этих краях. Ты знаешь, почему.

Я порылась в памяти. Но там было пусто, как у всякой новорожденной. Задумчиво отряхнув подол от иголок, с удовольствием оглядела орнамент – замысловатый, витой.

– Не знаю, – я улыбнулась как можно дружелюбнее и почесала нос, на который с елки упал клочок паутины. – Ничего-то я не знаю. И про себя тоже. Вот смотрите, – протянула грязную пятку, – один ботинок. Воняет рыбой. А как так вышло – не помню. Я ведь родилась только вчера. В папоротниках возле дуба.

Волк задышал чаще и чуть слышно рыкнул. Голос его, хриплый, с присвистом, напоминал шум ветра, запутавшегося в еловых лапах.

– Не прикидывайся дурочкой. Хотя это неважно. Отдадим тебя отцу, и делай, что хочешь. Рождайся или умирай. Если он, конечно, захочет тебя обратно.

Желтые, неподвижные глаза повернулись ко мне – они смотрели в упор, холодные, недобрые. Волки завыли. Мне захотелось спросить, что еще за отец? А главное, добавить, что мне и тут хорошо, с ними, в лесу, вот только бы поесть. Но поднялся такой жуткий вой, что скоро я позабыла обо всем на свете.

К полудню кто-то из стаи раздобыл тощую ворону, и все накинулись на нее, без стеснения вгрызаясь в бока сороди-

чей. Больше было возни, визга, порванных ушей, чем пользы от вороны – хорошо, если каждому по перышку досталось.

Большой волк из-под прикрытых век смотрел на сородичей с горечью. Время от времени он косился – я растирала больную лодыжку, надеясь, что так она скорее перестанет ныть. Мне показалось, что ему было стыдно.

На ночь я улеглась у волка под боком, наши животы урчали – но по-разному, у него – угрожающе, гулко, у меня жалобно, будто ныл заблудившийся лисенок. Я свернулась, скукожилась и придвинулась как можно ближе к волку – теплему и живому.

«Ветер в голове – ноги над землей»

На рассвете вернулся молодой. Большой волк снова подхватил меня на закорки. От голода я, кажется, время от времени теряла сознание. Лес постепенно светлел. Теперь, если задрать голову, хорошо просматривалось небо. Герогх дышал тяжело и бежал уже не так быстро, как вчера, а с усилием, с надрывом, он перепрыгивал через бревна с трудом, задевая животом старую кору.

Едва мы выбрались из чащи на пролесок, как пошли холмы, стало ощутимо прохладнее. Герогх зарычал. Молодые волки, что бежали с ним рядом, стали принюхиваться и мотать головами, будто учуяли какую-то гадость. От Герогха шел жар, шерсть воняла потом, оттого моему животу было щекотно. Однако спине становилось все холоднее и холоднее. Вдруг подул сильный ветер, такой лютый, что волки не смогли бежать дальше, они улеглись на землю и прижали уши. Листья и ветки кружились в воздухе. Этот холодный ветер будто что-то выискивал. Звери сползли в овраг, залегли за корягами и пнями.

– Чертов Коровяк спустил своего пса, – крикнул волк, что вез меня. – Держите девчонку!

Волки сгрудились вокруг вожака, стараясь закрыть меня своими спинами. Я, честно говоря, была не против – так теплее, да и пыль в глаза не летит. Что было сил я вцепилась

в загривок волка, тот дрожал. Ветер, он будто бы именно меня искал, – так я тогда подумала. Будто хотел содрать с меня кожу. Ну, или по крайней мере, платье. Он без жалости хлестал зверей по мордам, и те, скуля и припадая к земле, наконец, расступились.

Холодный ветер подхватил и понес меня, будто листок. Было очень зябко и противно – что уж говорить о больной ноге без ботинка. Оскалившись, волки глядели вслед со злостью. Их план, каким бы он ни был, сорвался. Ветер поднял меня над деревьями, и под ногами оказалось бескрайнее зеленое море, колыхающееся и волнующееся. Его неровным кольцом опоясывали горы и холмы – то повыше, то пониже. И наконец далеко впереди я увидела огромную скалистую гору с вершиной в облаках.

– С возвращением, дорогая, – пропел ветер – слова вошли мне в одно ухо, обожгли голову изнутри и вышли из другого. – Вон куда тебя занесло! Эти дурни не обижали тебя?

Честно говоря, я так замерзла, что даже из вежливости не смогла бы ответить. Меня била дрожь, студёный воздух забрался повсюду – под платье, в ботинок, за щеки и даже внутрь меня самой. Если дом моего отца – это место, где так же холодно, то большое спасибо. Волки куда приятнее. Хотя у них и нечего есть.

«Ветер в голове – ноги над землей» – вспомнилось мне. Кажется, так говорят о тех, кто много мечтает, да мало делает. Зависая в воздухе, много ли наработаешь? И правда.

Посмотрите на меня – беспомощная и замерзшая, руки-ноги болтаются, даже язык обледенел.

Вскоре стала видна лента реки, что красиво изгибалась и петляла между группами деревьев. По ее берегам лес сильно редел. А потом я увидела мост и наконец на холме – невысокий замок из темного старого камня, с единственной небольшой башенкой, похожий скорее на груды камней, чем на жилище.

– Твой отец скоро вернется. Разберется с волками, и делу конец, – прошипел ветер мне в ухо, и я поморщилась – до того это было неприятно и даже больно. – Дикари, мошенники и разбойники!

«Никакие они не мошенники,» – хотела крикнуть я, да закашлялась, даже зубы заломило.

Мы уже спустились так низко, что стало видно, как по верху башню замка опоясывает каменный балкон. Двери в комнату были приоткрыты. Ветер швырнул меня внутрь с такой силой, что стекла зазвенели, а шторы взметнулись под потолок. Я закашлялась – в нос резко пахнуло плесенью и чем-то застарелым. Покатилась по ковру, поднимая пыль, и почти уткнулась носом в камин, едва не расшибив лоб.

«Как будешь о себе говорить – таким и станешь»

Спустя вечность я поднялась на четвереньки. Мои руки и лицо были в саже. Хорошо одно – как только ветер убрался, сразу потеплело. Комната была круглой, с тремя высокими окнами – от пола до потолка, шторы задернуты. Стоял полумрак, только пыль, что я подняла, до сих пор летала в воздухе. Через открытую балконную дверь пробивалось солнце. Ползком я добралась до большой кровати под тяжелым пологом. Лодыжка ныла. Подышала на оледенелые руки. Похоже, сюда уже сто лет как никто не заглядывал – повсюду пыльный налет, какой бывает, когда долго не трогать что-то плотно закрытое. Круглое зеркало на комодe смотрело неприветливо и мрачно. На потолке были нарисованы фигуры людей в длинных, развевающихся одеждах, танцующих в круговую, будто бы они, как и я летели, несомые ветром. Но ветер в их случае был приятным и теплым.

В дверь постучали. Я резко села и вдруг на глаза мне попал ботинок. Мой второй, левый ботинок. Он стоял возле изголовья кровати. Кто-то невидимый зашел в комнату, чиркнул спичкой, и в камине тут же зажегся огонь. Это напугало меня, хотя я была и не прочь согреться. Да что там, я только об этом и метала. Пока я пялилась на огонь и гадала, откуда

он взялся, на постели возник поднос с едой, а чуть позже – на ковре – таз с водой, кувшин для умывания и мыло.

Забравшись под покрывало, на еду я набросилась не хуже голодного волка. Вспоминая о худых боках Герогха, я решила, что поем и за волчью стаю заодно тоже – может, им полегчает?

Вдруг за дверью раздался грохот, будто кто-то оступился и упал, что-то заскрипело. С набитым ртом я вытаращила глаза и застыла.

– Жужа! Девочка моя, – слышалось из-за двери.

Громкий топот, шаги. В комнату кто-то ввалился, на этот раз совсем по-другому – властно, поспешно, шумно. Хотя дверь так и осталась закрытой. Кто-то ходил тут, пыхтел, смеялся, но я никого не видела.

– Жужа! – наконец кто-то гаркнул прямо над самой кроватью.

Я вскрикнула. Крошки полетели на покрывало.

Пустота ответила мне озабоченно и осторожно :

– Дочка?

– Эгм, – я наконец решилась откликнуться. – Здесь никого нет. Кого вы ищите? Здесь только я. Но я вас не вижу.

Кто-то у кровати пошоркал ногами, повозился, и снова стало стало очень тихо. Оса поднялась с куска хлеба, намазанного медом, и вылетела через балконную дверь, будто бы не желая слушать чужих разговоров.

– Жужа?

Я почувствовала, как кто-то тяжело опустился на кровать. Запахло, и вполне отчетливо, навозом, сеном и чем-то теплым, вроде волка, только менее хищным и гнилостным.

Тут мне пришло в голову, что я даже не знаю, кто я такая. Откуда взялась? Но ведь это нормально для новорожденной? Это беспокоило меня. Может, волк был слишком занят, или слишком голоден, чтобы меня назвать? Кто такая Жужа? Я? Не я?

Однако же волк собирался повидаться с каким-то королем, так что, может, это король? Я еще немного подумала.

– Меня зовут Герогха, – что ж, если никто до сих пор не удосужился дать ребенку имя...

«Как сам себя про себя будешь говорить, таким и станешь». Верно? Так, вроде, считается?

Невидимый человек фыркнул.

– Прекрати. Я же прекрасно слышу, что это ты. Ты рядом. Этот разбойник драпал как ужаленный. Казалось, сосны бегут, а не он. Ишь, собрался играть со мной. Сделку заключить. Поймать бы его да в подвал. Может, тогда бы эта чертова стая воров убралась отсюда.

Уже второй раз за свою короткую жизнь я слышу что-то плохое про волков. Мне это не нравится. Это просто голодные звери! Я согрелась, но все еще не чувствовала себя сытой. Обдумывая, какую бы дерзость сказать в ответ, все еще продолжала жевать. Честно говоря, было жалко освобождать рот для того, чтобы хоть что-то кому-то сообщить. Жевать

приятнее.

– А вы кто? Король?

На самом деле прозвучало это так: «А фы фто, кофоль?»

– Жужа, где ты? Зачем ты от меня прячешься?

Зашуршал полог – наверное это тот, кто пришел, полез под кровать.

Я тоже свесила голову вниз и со всей силы гаркнула:

– Я не знаю кто это Жужа, но я здесь!

– Ох, ну нет, нет, нет, нет, – запричитал голос.

Король, а это уж точно был он, поднялся с колен и снова бухнулся рядом со мной на кровать. – Ну нет же нет, нет, нет, пожалуйста!

А я, довольная собой, опять завернулась в пыльное покрывало и принялась есть. Все вокруг было не первой свежести. Что ж, и зеленое платье мое не лучше – все в грязи и листьях. Кажется, я напугала невидимку – это меня позабавило.

– Ты что, не узнаешь даже мой голос? – человек был, похоже, очень этим огорчен.

– Неа, – равнодушно ответила я, вгрызаясь в яблоко. – Вот помню ерунду всякую типа «Как яблоню польешь – такие яблоки и соберешь». Или «Свои штаны – не то, что чужое платье с рюшами». Что это?

– Просто наши местные поговорки. Тебе бабушка все время книжку читала, там еще картинки..., – голос вздохнул. – Хоть что-то ты помнишь...

Я откинулась на подушку.

– Спасибо, в первый раз в жизни поела! Очень вкусно!

– Но как насчет твоей комнаты? Узнаешь? И ты... Должна была уже повидаться с бабушкой. Она принесла еду и вот это все...»

Видимо, имелся в виду таз с водой и мыло. Я подавилась яблоком и стала кашлять.

– Я одних только волков видела. Они нормальные. Теплые. Голодные только. Ворону всей стаей ели. А бабушки никакой не видела. Думаю, как и она меня. Я не виновата, что тут у вас еда и огонь сами по себе возникают. И повсюду пыльца и запустенье, как будто в комнату никто сто лет не заглядывал.

Я услышала сдавленный вскрик или кряхтенье, потом возню на краю кровати. Как будто кому-то прищемили палец – это для него оказалось не столько больно, сколько неожиданно.

– Ветер сказал, вы мой отец. А волк сказал, что вы король. Если это ваше королевство – поздравляю, тут знаете ли, нужна уборка.

– Видела бы ты, как сверкает сейчас люстра, как свет отражается в зеркале, какими красками сияют ковры, как ярко светится роспись на потолке и стенах, до чего идеально чистые окна, и... Да какая уборка, тут все просто сияет! Бабушка твоя, она коленки протрет до дыр, не даст пылинке упасть!

Я оглядела мрачные стены и пожала плечами. В конце концов, я же только вчера родилась. Многого наверняка не понимаю.

– Неужели ты не помнишь Климентина? Ветер, который тебя притащил? Он молодец, знаешь ли. Волки его боятся. Ты же так любишь на нем кататься.

– Извините, – откашлялась я безжалостно. – Мне бы помыться. И еще нога болит.

Этот ветер – даже вспоминать было холодно. Бррр... Как будто бы я в ледяную реку упала. Как можно вообще на таком кататься?

«Чего не вижу – того и нет»

Я помылась и переоделась в чистое – нашла белье и платья в комодe с потрескавшейся росписью. Все это пахло не очень свежо, но вполне прилично сохранилось. Смазала лодыжку мазью, которая сама собой возникла на столике возле камина.

– Девочка, а девочка, – сказал расстроенный бабушкин голос, – где ты, родная?

Но я не ответила. Не знала, что сказать. Сидела тихо на полу у окна и ловила ртом пылинки. Потом я плотно перебинтовала ногу, так что теперь мне было почти не больно на нее наступать.

С наслаждением я одела второй ботинок. Так как я ничего кругом не узнавала, отец хотел показать мне замок и двор. Но для начала вывел меня на балкон. Перед тем мы с ним немножко неловко попетляли по комнате, как два слепых – боясь наткнуться друг на друга. Мы – это я, его голос и запах сена и навоза.

– Добро пожаловать домой, в Гедамболу, – сообщил он с гордостью. – В наше маленькое, но вполне счастливое королевство. – Иногда бывает немного ветрено, но в остальном, ничего, живем. Видишь, какие бабушка посадила розы. Вы их всегда вместе поливали. Вернее, она напоминала тебе, но ты все равно забывала, и тогда она поливала сама.

Королевский голос неуверенно кашлянул. Приподняв брови, я честно оглядела совершенно пустой каменный пол балкона, по которому вяло перекатывались засохшие листья. Может, мне уже перестать огорчать его? Ведь он так старается.

Мы стали обходить балкон вкруговую. Я шла на голос.

– Вот у леса, смотри, деревня, ну, вспоминаешь? И дальше вдоль реки – все тоже сплошь наши деревни. Работы там ух сколько! Иногда я к вечеру аж с ног валюсь, так что приходится ночевать в каком-нибудь сарае, с коровами. Но ничего, – отец весело рассмеялся, – я не жалуясь. Даже наоборот! Как можно такое забыть, – проворчал он себе под нос с недоумением.

Я промолчала вместо того, чтобы ответить хоть что-то хотя бы из вежливости. Потому что просто не представляла, чего он от меня ждет? Мы потихоньку двигались дальше. Я чувствовала, что он очень разочарован, но ничего не могла поделать. Предположительно, я должна была увидеть рыночную площадь, лодки, стада коров, поля с капустой. Но видела я только мост через реку и все то же бескрайнее море зеленого леса, обрамленное горами, среди которых, будто камень в перстне, возвышалась самая высокая, скалистая.

– А эта гора? – спросила я наконец. – Что за ней?

– Что? – растерялся отец.

Я услышала, как зашуршала его одежда – быть может, он засунул руки в карманы или резко повернулся? Во что он

вообще был одет?

– За нашим пролеском, дальше, совсем другой лес. Глухой, даже зверье не водится. Одни тени. Людям там нечего делать. Там живут ветры по-настоящему дикие, их даже Климентин боится! Знаешь, – голос вдруг повеселел, – почему меня называют Коровяком? Ну, угадай? Ты не помнишь? Тогда угадай!

– Ну, ты пахнешь, как коровяк? – нерешительно предположила я.

Отец рассмеялся.

– Точно. Я много родов принял. И все у коров. Все коровы тут – словно мои дети. Пойдем, покажу тебе замок.

Мы шли по замку, и повсюду встречался один только мрак. Пахло мышами и протухшим воском. Канделябры уныло посверкивали темными боками, двери повсюду были наглухо закрыты, ковры в коридорах щеголяли обшарпанными спинами в дырах. Окна были затянуты паутиной, зеркала ничего не отражали, даже меня. Хотя голос отца, за которым я следовала, утверждал, что вокруг сплошь уют и роскошь. Он все время с кем-то здоровался – по-дружески и сердечно. Вскоре я поняла, что он приветствует поваров, слуг или женщин, убирающихся в комнатах. И мне понравилось, как он с ними разговаривал – тепло и весело, хотя я никого и не видела.

Наконец мы спустились в главный зал.

– Вообще-то мы едим на кухне, ну, то есть, ты всегда это

любила. Как там пахнет, и все такое. Особенно тебе нравилось смотреть, как бабушка стряпает. А я обычно ем где-нибудь в деревне, где застают дела. Мда, – вздохнул голос, как бы подитоживая, и на меня пахнуло свежим парным молоком, – это раньше здесь были парадные обеды, а сейчас так, иногда.

Что ж, решила я, кажется, это его не особенно огорчает.

В зале на стенах висели картины. Одна из них изображала пожилую женщину – сухопарую, с надменным взглядом, в высоком кружевном воротнике. Глаза смотрели пронзительно и безжалостно, точно ввинчиваясь в того, кто обратил на портрет внимание. Я даже поежилась. Скорее пройти мимо. На другом полотне был нарисован молодой человек с каштановыми волосами и розовыми щеками, довольно упитанный, но не грузный, а скорее плотный, сильный и здоровый. Про таких говорят «сочный, будто спелая груша». Он улыбался в бороду. Такой бы запросто мог жить в деревне и держать хорошее, послушное стадо.

– Это ты? – догадалась я.

Еще я решила, что так может выглядеть кто-то, к кому бы я точно захотела прижаться. Мне показалось, они с волком чем-то похожи.

– Я, молодой еще.

– Это все мои родственники?

– Эгм. Ну да. Только, честно говоря, ты раньше вообще-то не особенно любила их разглядывать.

Голос прозвучал немного смущенно. И я подумала, что иногда не видеть говорящего очень полезно – потому что интонация передает все, что нужно. Обостряется восприятие. Ты не отвлекаешься на детали, типа ленточек на шляпе, узорчатой пряжки на ремне, длинных ресниц или какого-нибудь особенно привлекательного изгиба губ.

– Знаешь, если ты не против, я все-таки хочу, чтобы меня звали Герогха.

В ответ отец промолчал. Но это было многозначное молчание. В воздухе повисло неодобрение. Он уже успел рассказать мне, какая это проблема для королевства – волки. Как стаи нападают на деревни, режут овец и коров, потому что всю дичь, кроликов и прочую мелочь в окрестных лесах сами же повывели.

– Выходит, теперь волк тебе нравится больше, чем родня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.